

ПОЛИТИЯ

А. В. Семенов

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ГОЛОСОВАНИИ НА МЕСТНОМ УРОВНЕ В РОССИИ¹

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 20-011-00444 А «Централизация, этнический фактор и электоральные процессы в регионах России»).

Андрей Владимирович Семенов — кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра сравнительных исторических и политических исследований, доцент кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета. Для связи с автором: andreysemenov@comparativestudies.ru.

Аннотация. Будучи одной из важнейших форм самоидентификации, этничность играет важную роль во многих политических процессах, в том числе в электоральном. Существует немало исследований, фиксирующих систематическую связь между этнической идентичностью и голосованием. Вместе с тем действие механизмов, связывающих этничность и голосование на индивидуальном уровне, изучено недостаточно. Остается дискуссионным и вопрос об их эффективности. В статье, опираясь на материалы фокус-групповых дискуссий в малых населенных пунктах пяти этнических республик РФ, автор анализирует работу таких механизмов и пытается оценить их возможные эффекты в российском контексте.

Проведенное им исследование показывает, что в голосовании на местном уровне этнический фактор проявляет себя очень слабо. Хотя этническая идентификация позволяет снизить информационную неопределенность за счет наличия общих культурных маркеров, эти маркеры не являются единственным и даже приоритетным основанием выбора — не меньшее, а то и большее значение имеют социально-экономическая повестка и личные качества кандидатов. Практически не прослеживается и влияние на электоральное поведение таких механизмов, как обусловленное этничностью групповое давление и политические машины. Полученные результаты ставят под вопрос ряд заключений, базирующихся на кросс-секционном анализе агрегированных данных, свидетельствуя о том, что если этничность и играет роль при голосовании, то эта роль опосредована другими факторами.

Ключевые слова: этничность, голосование, информационная неопределенность, эффекты группы, политические машины

Введение

Этничность, то есть разделяемые убеждения в общем происхождении группы, базирующиеся на единстве языка, религии и иных культурных маркеров, давно привлекает пристальное внимание политических исследователей. Будучи одной из важнейших форм самоидентификации, она в значительной мере задает пространство индивидуального политического выбора: формируя границы сообществ на основе языка, религии или общего наследия, этническая принадлежность определяет линии конфликтов и сотрудничества в обществе². Этнические группы становятся фундаментом для формирования политических партий, административно-территориальных единиц, электоральных машин и сетей доверия³. Иначе говоря, этничность играет фундаментальную роль во многих политических процессах, в том числе в электоральном.

Существует немало исследований, фиксирующих систематическую связь между этнической идентичностью и голосованием⁴. Вместе с тем, проанализировав большой пласт работ, посвященных этническому голосованию, Мидхат Фарукшин вынужден констатировать, что оно «представляет сложное и противоречивое явление»⁵. Консенсус по поводу эффектов этнической идентичности в электоральной сфере отсутствует. В немалой степени это объясняется тем, что такие эффекты чрезвычайно сложно изолировать от иных факторов — ведь, как справедливо замечает Джон Хьюбер, «у избирателей есть и другие интересы и идентичности, столь же или более важные»⁶.

Не раз становилось предметом изучения и этнически окрашенное голосование в России. По заключению Дмитрия Горенбурга, еще в советский период этническая идентичность стала «доминирующей формой самоидентификации среди нерусского населения по всему Советскому Союзу»⁷. Неопределенность первых постсоветских лет лишь усилила потребность в стабильных идентификационных маркерах, что привело к закреплению этничности в качестве устойчивого фактора электорального процесса⁸. И хотя в условиях, когда в стране доминирует русский этнос, а «другие являются небольшими по размеру и фрагментированными», этнические размежевания не имеют значимых электоральных последствий⁹, целый ряд недавних исследований указывает на роль в определении паттернов голосования не просто этнической идентичности, но и формального статуса ее носителей (титульный vs нетитульный этнос)¹⁰.

Тем не менее действие механизмов, связывающих этничность и голосование на индивидуальном уровне, изучено недостаточно. Остается дискуссионным и вопрос об их эффективности. В настоящей статье, отталкиваясь от имеющихся на сегодняшний день теоретических моделей этнического голосования, я попытаюсь проанализировать работу таких механизмов и, опираясь на данные эмпирического исследования, оценить их возможные эффекты в российском контексте.

² Lijphart 1979; Horowitz 2000; Esteban, Mayoral, and Ray 2012; Борусова 2017.

³ Chandra 2005, 2007; Wilkinson 2006; Hale 2008.

⁴ Dunning and Harrison 2010; Madrid 2011; Goodnow and Moser 2012.

⁵ Фарукшин 2016: 86.

⁶ Huber 2012: 1000.

⁷ Gorenburg 2003: 3.

⁸ Goodnow, Moser, and Smith 2014; Saikkonen 2015; Moser and White 2016.

⁹ Rose, Tikhomirov, and Mishler 1997: 805.

¹⁰ White 2015, 2021; White and Saikkonen 2017.

**Этническое
голосование:
теория
и методология
исследования**

Фактор этничности в голосовании во многом представляет собой загадку. С одной стороны, голосование является индивидуализированным актом и в первую очередь определяется персональными характеристиками голосующего. С другой стороны, электоральные предпочтения формируются под воздействием окружающей среды, значимым элементом которой выступают референтные группы. Каким образом этническая идентичность может влиять на индивидуальный политический выбор? Исследователями было выделено несколько механизмов, теоретически способных обеспечить такое влияние.

В основе первого механизма лежит информационная неопределенность, неизбежно сопутствующая ситуации выбора. Когнитивные издержки при принятии электорального решения чрезвычайно велики: избирателю нужно изучить и сопоставить программные установки множества кандидатов и партий, а также оценить вероятность их победы. Этническая идентичность сужает пространство возможного выбора по ряду принципиальных позиций (язык, культура, территориальное самоуправление и т.д.), тем более что принадлежность к этнической сети играет немаловажную роль в повседневной жизни человека, снижая риск оказаться без средств к существованию и помогая найти собственную нишу. Не случайно ряд кандидатов намеренно задействует этнические маркеры, чтобы мобилизовать избирателей¹¹.

¹¹ Hale 2008.

Вторым механизмом, связывающим этничность и голосование, являются разнообразные эффекты группы (peer-effects), включая групповое давление (peer-pressure). Поскольку для многих индивидов социальное одобрение важнее рациональных расчетов, в своем поведении они ориентируются на членов значимой группы, чье поощрение для них значит больше, чем потенциальные выгоды от идущих вразрез с групповыми установками действий. Эффекты группы особенно сильны в сообществах с сильной внутригрупповой солидарностью (например, небольших по размеру и компактных территориально либо сталкивающихся с угрозами извне)¹².

¹² Kling, Liebman, and Katz 2007; Fafchamps, Vaz, and Vicente 2020.

Наконец, этнически окрашенное голосование может быть результатом функционирования политических машин — плотных патрон-клиентских сетей взаимодействия в местных сообществах, основанных на этнических маркерах и обеспечивающих распределение благ в обмен на голосование¹³. Модель политических машин впервые была описана на материале США XIX — начала XX в.¹⁴, где «партийные боссы» из больших городов вроде Чикаго или Нью-Йорка задействовали этнические связи для мобилизации электората. Аналогичным образом подобные машины используются и в России¹⁵, хотя их эффективность и устойчивость не везде одинакова¹⁶.

¹³ Шкель 2019.

¹⁴ Golosov 2013.

¹⁵ Golosov 2014.

¹⁶ Shkel 2021.

Как уже говорилось, роль этнического фактора в голосовании в России не ставится под сомнение. Однако степень, направление, характер и конкретные механизмы его влияния по-прежнему вызывают споры. Важно также учитывать, что проживающие в стране этнические группы неоднородны: некоторые из них имеют институционально за-

крепленные границы в виде соответствующих субъектов Федерации, другие существуют в форме анклавов (как татары в Башкирии) или вообще лишены территориальной субъектности¹⁷. При этом этничность поддерживается не только через территориальное выделение, но и с помощью языковой политики¹⁸, национально-культурных автономий¹⁹ и иных средств²⁰.

Имеющиеся на сегодняшний день исследования этнического голосования в России по большей части носят кросс-секционный характер²¹ либо опираются на данные массовых социологических опросов²². В гораздо меньшей степени исследователи обращаются к изучению отдельных случаев и другим методам, позволяющим уточнить действие тех или иных механизмов. Между тем кросс-секционный анализ чреват «экологическими ошибками», то есть ошибочной экстраполяцией связей группового уровня на индивидуальный, тогда как опросные инструменты не всегда в состоянии отразить комплексные связи, к которым относится и связь между этнической идентичностью и политическим выбором.

Возможность отчасти преодолеть эти методологические проблемы, на мой взгляд, открывает метод фокус-групп, который позволяет исследователю проследить связи между интересующими его процессами в «естественной» среде многостороннего разговора²³. В ходе дискуссии обычно выявляются основные позиции и способы их обоснования, кроме того, ее участники нередко приводят развернутые примеры, иллюстрирующие их аргументы.

В настоящей работе я опираюсь на материалы фокус-групповых дискуссий, проведенных исследовательским коллективом проекта «Централизация, этнический фактор и электоральные процессы в регионах России» Центра сравнительных исторических и политических исследований Пермского университета в 2020—2021 гг. в пяти этнических республиках РФ — Башкортостане, Татарстане, Коми, Чувашии и Якутии. Регионы отбирались таким образом, чтобы максимально отразить вариацию в этнической композиции, экономике и географии. В каждом регионе были отобраны села с преобладанием титульной этнической группы. Выбор в пользу проведения фокус-групп именно там объяснялся двумя соображениями: во-первых, поскольку конкурирующих идентичностей на селе гораздо меньше, чем в городе, влияние этнического фактора в сельской местности должно быть особенно четко выражено; во-вторых, в условиях преобладания определенной группы ее воспроизводство закрепляется через язык и/или религиозные и иные обряды. Иными словами, ввиду того, что этничность на селе «повседневна», ее использование в ситуации голосования будет максимально артикулировано. Общие характеристики локаций проведения фокус-групп представлены в *табл. 1*.

В дискуссиях, продолжавшихся от одного до двух часов, участвовали 12—15 человек; модерирование осуществлялось членами иссле-

¹⁷ Панов 2019.

¹⁸ Борисова 2017; Мухарямов и Януш 2020.

¹⁹ Сулимов 2016.

²⁰ Семенов 2016.

²¹ White 2014, 2021; White and Saikkonen 2017.

²² Rose, Tikhomirov, and Mishler 1997; Hale 2006.

²³ Дмитриева 1999; Белановский 2017.

Таблица 1 Локации проведения фокус-групп

<i>№</i>	<i>Республика</i>	<i>Доля титульного этноса (в %)</i>	<i>Район, село</i>	<i>Дата</i>	<i>Число участников</i>	<i>Этническая принадлежность участников</i>
1	Башкортостан (1)	29,5	Куюргазинский р-н, с. Якшимбетово	26.10.2020	15	Башкиры
2	Башкортостан (2)	29,5	Чекмангушевский р-н, с. Чекмангуш	06.09.2020	15	Татары
3	Татарстан (1)	53,2	Альметьевский р-н, с. Надырово	12.09.2020	12	Татары
4	Татарстан (2)	53,2	Актанышский р-н, с. Актаныш	27.10.2020	15	Татары
5	Коми	23,7	Усть-Куломский р-н, с. Дон	27.04.2021	12	Коми
6	Чувашия	67,7	Чебоксарский р-н, с. Сархорн	23.04.2021	15	Чуваши
7	Саха (Якутия)	49,9	Намский р-н, с. Намцы	23.06.2021	15	Якуты

довательской группы на основе гайда, который включал в себя блок вопросов, касавшихся связи этничности и электорального поведения с учетом обозначенных выше объяснительных моделей. Состав групп оказался не совсем однородным: в одной из них были только работники образовательной сферы (Башкортостан-1), в другой — представители местной общины (Чувашия), участники третьей относились к нетитульному этносу в этническом субъекте РФ (Башкортостан-2). Понятно, что разница в составе несколько смещала акценты дискуссии, однако в целом информативность всех фокус-групп с точки зрения целей настоящего исследования не вызывает сомнений.

Дополнительным источником данных послужили 19 неформализованных интервью с экспертами из каждого из регионов, в число которых вошли исследователи, политические технологи, представители общественных организаций и политических партий. Экспертные мнения позволили уточнить некоторые значимые характеристики контекста, а также отдельные предположения относительно работы гипотетических механизмов.

**Этническая
и голосование
в фокус-групповых
дискуссиях**

Какие механизмы лучше всего раскрывают связь между этнической самоидентификацией и электоральным поведением? В теоретической части статьи были рассмотрены три модели, претендующие на ответ на этот вопрос, — информационной неопределенности, групповых эффектов и политических машин. Но прежде чем переходить к анализу их объяснительной силы, имеет смысл остановиться на некоторых общих установках участников дискуссий, которые отражают контекст.

Прежде всего стоит обратить внимание на чрезвычайно низкое доверие к выборам как институту и процедуре. С одной стороны, большинство респондентов говорили о том, что на выборы ходят, в основном объясняя свои действия привычкой, желанием перемен или гражданским долгом. Особенно активно на необходимости явки настаивали пенсионеры, связывая ее с предоставлением благ: *«наш выбор помогает, нам за это пенсию дают»* (Ж., 80, Татарстан-1). С другой стороны, в честный подсчет голосов почти никто не верит, равно как и в значимые последствия голосования. Те, кто признавался в абсентеизме (как правило, это были мужчины с независимыми источниками дохода и/или высоким уровнем образования), прямо ссылались на то, что ходить на выборы бесполезно, с чем так или иначе соглашались и остальные.

Процедурную легитимность избирательного процесса существенно подрывает административное принуждение. Почти все респонденты упоминали либо о прямой административной мобилизации работников бюджетной сферы и крупных предприятий, либо о настойчивости со стороны членов избирательной комиссии (когда речь шла о пенсионерах), которые могут получать прямую выгоду (премии) от грамотной организации явки. Однако, как следует из слов респондентов, административный контроль над выборами не имеет этнической окраски: он осуществляется по линии крупных предприятий и государственных/муниципальных служащих. Главным же аргументом тех, кто все-таки полагал, что выборы проходят относительно честно, было наличие наблюдателей и камер наблюдения. Респонденты с опытом работы в избирательных комиссиях также отмечали, что «рисуют» финальные цифры на более высоком уровне, а на местном все проходит более или менее нормально.

Наконец, третьей общей для всех дискуссий чертой было недоверие к правящей партии. Респонденты подчеркивали, что «Единая Россия» не выполняет обещаний, на селе партии почти не видно, ничего полезного для избирателей она не делает и вообще это *«фигурная партия»* (М., 40+, Татарстан-2). Примечательно, что такое мнение распространено во всех возрастных когортах, включая пенсионеров, порой артикулировавших весьма радикальные его версии: *«„Единая Россия“ — это же едим Россию! Медведев-то ест уже Россию!»* (Ж., 60, Чувашия). При этом респонденты не сомневались, что до тех пор, пока партию поддерживает Владимир Путин, она будет оставаться у власти.

Таким образом, можно констатировать, что для подавляющего большинства респондентов электоральный выбор осуществляется в ситуации, когда индивидуальный голос в принципе значит немного, а результаты волеизъявления всегда могут быть изменены в пользу «партии власти», которой доверяет явное меньшинство. Иначе говоря, хотя голосование *per se* считается важным гражданским актом, институциональная среда и контекст в значительной степени обесценивают его.

Позволяет ли этническая самоидентификация снизить информационную неопределенность при выборе кандидата или партии? Другими словами, помогает ли она быстрее и эффективнее определиться с выбором? При обсуждении блока вопросов, касающихся оснований индивидуального выбора, респонденты практически не ссылались на этнический фактор. Речь шла в первую очередь о программных положениях и общих установках кандидатов и партий, их отношении к ключевым общественным проблемам (пенсионной реформе, состоянию медицины и образования, социальному неравенству). Нередко упоминались также профессионализм и личные качества. *«Если он пустышка, как я буду за него голосовать как за представителя коренного населения?»* — пояснила свою позицию одна из участниц фокус-группы в Якутии (Ж., 60+). Немалую роль в глазах многих играла и принадлежность кандидата к «своим», «местным»: *«Главное, чтобы [кандидат] вырос здесь, учился, знал все наши проблемы»* (Ж., 60+, Якутия). Как заметил один из респондентов, *«местный — да, а национальность, язык не имеют значения»* (М., 30+, Якутия).

Несколько участников фокус-группы в Якутии, правда, сказали, что будут голосовать именно за кандидата-саха, то есть за представителя титульного для республики этноса. Обосновывая такую установку, одна из ее сторонниц заявила: *«У нас язык исчезает, народ исчезает, и последняя надежда, чтобы был человек-саха. Он не предаст свой народ»* (Ж., 60+, Якутия). Другим аргументом в пользу подобного выбора было то, что кандидат из иной этнической группы, как правило, не владеет якутским языком, а потому ему будет труднее понимать людей и реагировать на их проблемы. Однако в целом сильно выраженных предпочтений кандидатов от титульного этноса, когда этническая принадлежность перекрывает другие качества, почти не наблюдалось, либо эта позиция не артикулировалась.

Иное дело «культурная близость» избираемых политиков и должностных лиц (например, глав регионов). Публичная демонстрация уважения к языку титульного этноса и национальной культуре воспринимается однозначно позитивно и является значимым, хотя и недостаточным условием электоральной поддержки. В ходе фокус-групповой дискуссии в Якутии респонденты с одобрением отмечали, что глава республики *«говорит на хорошем литературном национальном языке»* (М., 30+), *«выступает в национальной одежде»* (М., 40+), поддерживает национальные праздники и национальное телевидение. Позитивно

отзывались о работе руководства республики по поддержке национального языка и культуры и татарстанские респонденты. По словам одного из них, хорошо, когда глава республики — татарин, однако важно не само этническое происхождение, а *«уважение к культуре, традициям, языку, даже если башкир»* (М., 30+, Татарстан-1). Если этническая принадлежность и снимает неопределенность, то только в ситуации, когда кандидаты примерно равны, но один из них принадлежит к той же этнической группе, что и избиратели. В этом случае практически все респонденты отдавали предпочтение «этническому кандидату».

Итак, материалы фокус-групповых дискуссий не подтверждают, что этничность является сколько-нибудь значимым фактором снижения информационной неопределенности. Но, может быть, она проявляет себя за счет эффекта группового давления? Многие респонденты действительно отмечали, что у них нетрудно отследить, кто ходит на выборы, а кто нет, однако по причинам, меньше всего связанным с этничностью или этническими сетями. Только один респондент заявил, что *«мы малый народ, поэтому нам надо голосовать вместе»* (М., 40+, Якутия). Остальные указывали на плотность социальных связей на селе: *«мы не в мегаполисе живем, не хочется выделяться»* (Ж., 60+, Якутия); *«в деревне все друг друга знают»* (М., 30+, Татарстан). Примечательно также, что никто из участников фокус-групп не вспомнил случаев наказания за абсентеизм; более того, некоторые утверждали, что его и не существует.

Вместо группового давления действуют инструменты принуждения в госучреждениях и на крупных предприятиях, работники которых ходят на выборы, опасаясь *«репрессий со стороны руководящих органов»* (М., 50+, Якутия). Приводились и конкретные примеры таких предприятий. *«Прямо не говорят, за кого голосовать, говорят — „выразить свою гражданскую позицию“, но работа до этого проведена»*, — рассказывал один из респондентов (М., 60+, Якутия); *«по-тихому это делают»*, — вторил ему другой (М., 40+, Якутия).

Эффекта группового давления не просматривается и в поддержке политических партий. О том, что их односельчане придерживаются разных политических взглядов, говорили участники всех фокус-групп. На фоне довольно настороженного отношения к «Единой России», о котором упоминалось выше, особенной популярностью среди них пользуются КПРФ, ЛДПР и Партия пенсионеров. Так, в одном из татарских сел респонденты оценили долю голосующих за ЕР примерно в 1/3, столько же дали КПРФ и ЛДПР. Подобное разнообразие индивидуального политического выбора указывает на то, что групповое давление оказывает на него очень ограниченное влияние и если и проявляется, то только в принятии решения ходить или не ходить на выборы (хотя и здесь оно очень невелико).

Посмотрим теперь, как обстоит дело с этнически окрашенными политическими машинами, обеспечивающими устойчивый и предсказуемый обмен голосов на частные блага. Свидетельства о работе данно-

го механизма противоречивы. С одной стороны, рассуждая о ситуации на местном уровне, многие респонденты подчеркивали, что *«мы лично знаем тех, кого избираем»* (М., 30+, Якутия). Особенно четко эта установка проявилась в Якутии, где один из респондентов откровенно признался, что в первую очередь ориентируется на родственников и близких знакомых, которые в дальнейшем могут помочь с решением какой-то проблемы (найти работу или устроить детей в школу/детский сад). Сходным образом обстоит дело и с выборами регионального и федерального уровня: *«люди решают свои непосредственные проблемы, например детский сад построить»* (М., 30+, Якутия). Более того, в преддверии выборов проводится разъяснительная работа по поводу того, что *«если будет избрана определенная партия или лицо, то финансирование региона будет продолжено»* (М., 40+, Якутия). С другой стороны, практически ничего из перечисленного не связано с этничностью, да и обмен голосов происходит здесь не на частные, а на «клубные» или даже публичные блага.

Таким образом, проведенные фокус-группы не дают оснований для вывода о наличии сколько-нибудь выраженной связи между этнической самоидентификацией и голосованием. Конечно, можно предположить, что истоки такого положения вещей кроются в слабой проявленности этничности на селе в принципе. Иными словами, поскольку сама по себе этническая идентичность не являлась значимой для участников дискуссий, они не ссылались на нее при обосновании своего политического выбора. Однако это предположение выглядит сомнительным. Ведь респонденты активно обсуждали различные аспекты своей этничности — в частности, спорили о том, в какой (советский или постсоветский) период культура и язык встречали бóльшую поддержку, говорили об этнических стереотипах и дискриминации на основе этнических маркеров (например, акцента или антропологических черт), а также о проблемах своих этносов в целом.

Кроме того, в ходе дискуссий обозначались отдельные этнические маркеры, которые так или иначе связывались с электоральным поведением. В первую очередь речь идет о языке, в котором большинство респондентов, особенно пожилых, видело один из основных «якорей» этнической идентичности. Среди респондентов наблюдалось множество расколов по вопросу о связи языка и этничности, а также по языковой политике в целом. Пенсионеры, для которых родной язык является средством повседневной коммуникации, отмечали снижение его значимости для молодежи, прежде всего при переезде в город, где не обойтись без знания русского, а наличие акцента может стать препятствием в карьере. Варьировали и мнения относительно необходимости изучения родного языка и его перспектив. Так, один из участников фокус-группы в Чувашии прямо заявил, что, *«если дать право выбирать язык обучения, никто чувашский не выберет»*, а потому требуется целенаправленная работа по его поддержке (М., 30+). Тем не менее даже значимые этнические маркеры редко упоминались как существенные

основания для политического выбора, если респондентов не спрашивали об этом напрямую.

Заключение

Суммируя вышесказанное, можно констатировать, что в голосовании на местном уровне этнический фактор проявляет себя очень слабо и главным образом как фактор культурной близости: носители культурных составляющих этнической идентичности (обычай, язык, традиции) имеют преимущество перед «варягами» и представителями других этносов. Однако этнические маркеры не являются приоритетным способом определения наиболее предпочтительного кандидата; не меньшее, а то и большее значение имеют личные и профессиональные качества. При этом влияние групповых эффектов и политических машин практически не прослеживается. Полученные материалы свидетельствуют о том, что если этничность и играет роль в голосовании, то эта роль опосредована другими факторами.

Вопреки результатам кросс-секционных исследований, фиксирующих (на агрегированном уровне) связь между концентрацией титульных этнических групп и голосованием за правящую партию и инкумбента, на уровне групповых дискуссий эту связь обнаружить не удалось. Этническая повестка, безусловно, присутствовала, но гораздо сильнее респондентов волновали проблемы социально-экономического плана. Именно по социально-экономическим и отчасти демографическим линиям проходили и основные расколы: позиции тех, кто всю жизнь прожил в сельской местности, явно отличались от установок имевших опыт работы в городе; не менее явными были и расхождения в оценках между представителями старшего поколения и более молодых возрастных когорт.

Означает ли это, что этническая идентичность в современной России утратила политическую значимость? Настоящее исследование не позволяет однозначно ответить на этот вопрос. И дело не только в том, что оно строится на выборке, охватывающей исключительно сельских жителей. Очевидно, что, имея дело с обычными избирателями, далекими от политики, которая находится на периферии их повседневной жизни (в отличие от состояния дорог, размера пенсий и заработной плат, доступа к медицине и образованию и т.п.), трудно ожидать сколько-нибудь выраженной манифестации этничности, особенно применительно к электоральному процессу. Кроме того, за последние 20 лет этническая повестка была в значительной мере деполитизирована, а акторы, способные и готовые ее актуализировать, маргинализированы. Тем не менее этническая идентичность остается существенным фактором культурной жизни малых этносов, а ряд сопряженных с ней проблем (включая статус языка и характер центр-периферийных отношений) создает почву для латентного недовольства и может быть использован политическими предпринимателями для мобилизации этничности.

Библиография

- Белановский С. (2019) *Глубокое интервью и фокус-группы*. М.: б.и. URL: <https://book.wciom.ru/fileadmin/file/books/belanovskij.pdf> (проверено 23.10.2021).
- Борисова Н.В. (2017) *Когда языки в огне: оспаривание языковых режимов как вызов балансу в межэтнических отношениях*. М.: РОССПЭН.
- Дмитриева Е.В. (1999) «Метод фокус-групп: проблемы подготовки, проведения, анализа» // *Социологические исследования*, № 8:133—138. URL: https://ecsocman.hse.ru/data/847/093/1217/021_dmitrieva_1.pdf (проверено 23.10.2021).
- Мухарямов Н.М. и О.Б.Януш. (2020) «О комбинаторике языка, политики и идентичности» // *Политическая наука*, № 4: 36—59.
- Панов П.В. (2019) «Структурные факторы институционализации этничности в политике „национальных республик“ Российской Федерации» // *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, т. 13, № 4: 5—18. URL: <https://press.psu.ru/index.php/polit/article/view/2897/2196> (проверено 23.10.2021).
- Семенов А.В. (2016) «Политические эффекты этнических территориальных автономий: обзор исследований» // *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*, № 1: 27—152. URL: <http://press.psu.ru/index.php/polit/article/view/1725/1294> (проверено 23.10.2021).
- Сулимов К.А. (2016) «Механизмы взаимодействия в этнических территориальных автономиях: обзор практик» // *Власть*, т. 24, № 8: 79—85.
- Фарукшин М.Х. (2016) «Проблема этнического голосования в зарубежном дискурсе» // *Социологические исследования*, № 5: 80—86. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2016/2016_5/80_86_Faruschkin.pdf (проверено 23.10.2021).
- Шкель С.Н. (2019) «Бастионы традиции: этнический фактор и политические машины в регионах России» // *Полис. Политические исследования*, № 1: 49—70. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2019/1/Polis-2019-1-Shkel.pdf> (проверено 23.10.2021).
- Chandra K. (2005) «Ethnic Parties and Democratic Stability» // *Perspectives on Politics*, vol. 3, no. 2: 235—252.
- Chandra K. (2007) *Why Ethnic Parties Succeed: Patronage and Ethnic Head Counts in India*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Esteban J., L.Mayoral, and D.Ray. (2012) «Ethnicity and Conflict: An Empirical Study» // *American Economic Review*, vol. 102, no. 4: 1310—1342.
- Fafchamps M., A.Vaz, and P.C.Vicente. (2020) «Voting and Peer Effects: Experimental Evidence from Mozambique» // *Economic Development and Cultural Change*, vol. 68, no. 2: 567—605.
- Golosov G.V. (2013) «Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies» // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 21, no. 4: 459—480. URL: https://demokratizatsiya.pub/archives/21_4_142R38863L666177.pdf (accessed on 23.10.2021).

Golosov G.V. (2014) «The Territorial Genealogies of Russia's Political Parties and the Transferability of Political Machines» // *Post-Soviet Affairs*, vol. 30, no. 6: 464—480.

Goodnow R. and R.G.Moser. (2012) «Layers of Ethnicity: The Effects of Ethnic Federalism, Majority-Minority Districts, and Minority Concentration on the Electoral Success of Ethnic Minorities in Russia» // *Comparative Political Studies*, vol. 45, no. 2: 167—193.

Goodnow R., R.G.Moser, and T.Smith. (2014) «Ethnicity and Electoral Manipulation in Russia» // *Electoral Studies*, vol. 36: 15—27. URL: <https://sites.utexas.edu/government/files/2018/08/ethnicity-and-electoral-manipulation-in-russia.pdf> (accessed on 23.10.2021).

Gorenburg D.P. (2003) *Minority Ethnic Mobilization in the Russian Federation*. Cambridge: Cambridge University Press.

Hale H. (2008) *The Foundations of Ethnic Politics: Separatism of States and Nations in Eurasia and the World*. Cambridge: Cambridge University Press.

Horowitz D.L. (2000) *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley: University of California Press.

Huber J.D. (2012) «Measuring Ethnic Voting: Do Proportional Electoral Laws Politicize Ethnicity?» // *American Journal of Political Science*, vol. 56, no. 4: 986—1001. URL: <https://polisci.columbia.edu/sites/default/files/content/pdfs/Publications/Huber/huber%20ajps%202012.pdf> (accessed on 01.10.2021).

Kling J.R., J.B.Liebman, and L.F.Katz. (2007) «Experimental Analysis of Neighborhood Effects» // *Econometrica*, vol. 75, no. 1: 83—119. URL: https://cepa.stanford.edu/sites/default/files/workshops/kling_liebman_katz_Econometrica_2007.pdf (accessed on 01.10.2021).

Lijphart A. (1979) «Religious vs. Linguistic vs. Class Voting: the „Crucial Experiment“ of Comparing Belgium, Canada, South Africa, and Switzerland» // *American Political Science Review*, vol. 73, no. 2: 442—458.

Moser R.G. and A.White. (2017) «Does Electoral Fraud Spread? The Expansion of Electoral Manipulation in Russia» // *Post-Soviet Affairs*, vol. 33, no. 2: 85—99. URL: <https://sites.utexas.edu/government/files/2018/08/does-electoral-fraud-spread-the-expansion-of-electoral-manipulation-in-russia.pdf> (accessed on 01.10.2021).

Rose R., E.Tikhomirov, and W.Mishler. (1997) «Understanding the Multi-party Choice: The 1995 Duma Election» // *Europe-Asia Studies*, vol. 49, no. 5: 799—823.

Saikkonen I.A. (2017) «Electoral Mobilization and Authoritarian Elections: Evidence from Post-Soviet Russia» // *Government and Opposition*, vol. 52, no. 1: 51—74.

Shkel S. (2021) «Why Political Machines Fail: Evidence from Bashkortostan» // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 29, no. 1: 31—62.

White A. (2015) «How Ethnicity Matters in Russian Elections: Ethnic Minorities and Support for the United Russia Party» // *Eurasian Geography and Economics*, vol. 56, no. 5: 524—546.

White A.C. (2021) «A Chink in the Autocrat's Armour: Demographic Change and Voter Turnout in Putin's Russia» // *Ethnopolitics*, April: 1–20.

White A.C. and I.A.Saikkonen. (2017) «More Than a Name? Variation in Electoral Mobilisation of Titular and Non-Titular Ethnic Minorities in Russian National Elections» // *Ethnopolitics*, vol. 16, no. 5: 450–470.

Wilkinson S.I. (2006) *Votes and Violence: Electoral Competition and Ethnic Riots in India*. Cambridge: Cambridge University Press.

А.В.Семёнов

A.V.Semenov

FACTOR OF ETHNICITY IN VOTING AT THE LOCAL LEVEL IN RUSSIA

Andrei V. Semenov — Ph.D. in Political Science; Senior Researcher at the Center for Comparative History and Politics Studies; Assistant Professor at the Department of Political Science, Perm State National Research University. Email: andreysemenov@comparativestudies.ru.

Abstract. Ethnicity, being one of the most important forms of self-identification, plays a significant role in many political processes, including the electoral process. Many research articles document a systematic relationship between ethnic identity and voting. At the same time, there is a dearth of studies about the concrete mechanisms on how ethnicity and voting are connected at the individual level. The question of their efficiency remains debatable. In the article, based on the materials of the focus group discussions in small towns in five ethnic republics of the Russian Federation, the author analyzes such mechanisms and tries to assess their possible effects in the Russian context.

The research study shows that the factor of ethnicity is very weak in voting at the local level. Although ethnic identification helps reduce information uncertainty due to the presence of the common cultural markers, these markers are not the only or even the priority basis for electoral choices — the socio-economic agenda and personal qualities of candidates are equally or even more important. Such mechanisms as group pressure and political machines that are driven by ethnicity almost fail to predict electoral behavior. The research findings call into question a number of conclusions based on the cross-sectional analysis of aggregated data, indicating that even if ethnicity plays a role in voting, this role is mediated by other factors.

Keywords: ethnicity, voting, information uncertainty, group effects, political machines

References

- Belanovsky S. (2019) *Glubokoe interv'ju i fokus-gruppy* [Deep Interview and Focus Groups]. Moscow: S.n. URL: <https://book.wciom.ru/fileadmin/file/books/belanovskij.pdf> (accessed on 23.10.2021). (In Russ.)
- Borisova N.V. (2017) *Kogda jazyki v ogne: osparivanie jazykovykh rezhimov kak vyzov balansu v mezhetnicheskikh otnoshenijakh* [When Languages Are on Fire: Contestation of the Language Regimes as a Challenge to the Balance in Interethnic Relations]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Chandra K. (2005) "Ethnic Parties and Democratic Stability" // *Perspectives on Politics*, vol. 3, no. 2: 235–252.
- Chandra K. (2007) *Why Ethnic Parties Succeed: Patronage and Ethnic Head Counts in India*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dmitireva N.V. (1999) "Metod fokus-grupp: problemy podgotovki, provedeniya, analiza" [Focus Group Method: Problems of Preparation, Conduct, Analysis] // *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 8: 133–138. URL: https://ecsocman.hse.ru/data/847/093/1217/021_dmitireva_1.pdf (accessed on 23.10.2021). (In Russ.)
- Esteban J., L.Mayoral, and D.Ray. (2012) "Ethnicity and Conflict: An Empirical Study" // *American Economic Review*, vol. 102, no. 4: 1310–1342.
- Fafchamps M., A.Vaz, and P.C.Vicente. (2020) "Voting and Peer Effects: Experimental Evidence from Mozambique" // *Economic Development and Cultural Change*, vol. 68, no. 2: 567–605.
- Faruksin M.Kh. (2016) "Problema etnicheskogo golosovaniya v zaru-bezhnom diskurse" [Problem of Ethnic Voting in International Discourse] // *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], no. 5: 80–86. (In Russ.)
- Golosov G.V. (2013) "Machine Politics: The Concept and Its Implications for Post-Soviet Studies" // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 21, no. 4: 459–480. URL: https://demokratizatsiya.pub/archives/21_4_142R38863L666177.pdf (accessed on 23.10.2021).
- Golosov G.V. (2014) "The Territorial Genealogies of Russia's Political Parties and the Transferability of Political Machines" // *Post-Soviet Affairs*, vol. 30, no. 6: 464–480.
- Goodnow R. and R.G.Moser. (2012) "Layers of Ethnicity: The Effects of Ethnic Federalism, Majority-Minority Districts, and Minority Concentration on the Electoral Success of Ethnic Minorities in Russia" // *Comparative Political Studies*, vol. 45, no. 2: 167–193.
- Goodnow R., R.G.Moser, and T.Smith. (2014) "Ethnicity and Electoral Manipulation in Russia" // *Electoral Studies*, vol. 36: 15–27. URL: <https://sites.utexas.edu/government/files/2018/08/ethnicity-and-electoral-manipulation-in-russia.pdf> (accessed on 23.10.2021).
- Gorenburg D.P. (2003) *Minority Ethnic Mobilization in the Russian Federation*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hale H. (2008) *The Foundations of Ethnic Politics: Separatism of States and Nations in Eurasia and the World*. Cambridge: Cambridge University Press.

Horowitz D.L. (2000) *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley: University of California Press.

Huber J.D. (2012) “Measuring Ethnic Voting: Do Proportional Electoral Laws Politicize Ethnicity?” // *American Journal of Political Science*, vol. 56, no. 4: 986–1001. URL: <https://polisci.columbia.edu/sites/default/files/content/pdfs/Publications/Huber/huber%20ajps%202012.pdf> (accessed on 01.10.2021).

Kling J.R., J.B.Liebman, and L.F.Katz. (2007) “Experimental Analysis of Neighborhood Effects” // *Econometrica*, vol. 75, no. 1: 83–119. URL: https://cepa.stanford.edu/sites/default/files/workshops/kling_liebman_katz_Econometrica_2007.pdf (accessed on 01.10.2021).

Lijphart A. (1979) “Religious vs. Linguistic vs. Class Voting: the „Crucial Experiment“ of Comparing Belgium, Canada, South Africa, and Switzerland” // *American Political Science Review*, vol. 73, no. 2: 442–458.

Moser R.G. and A.White. (2017) “Does Electoral Fraud Spread? The Expansion of Electoral Manipulation in Russia” // *Post-Soviet Affairs*, vol. 33, no. 2: 85–99. URL: <https://sites.utexas.edu/government/files/2018/08/does-electoral-fraud-spread-the-expansion-of-electoral-manipulation-in-russia.pdf> (accessed on 01.10.2021).

Mukharyamov N.M. and O.B.Yanush. “O kombinatorike jazyka, politiki i identichnosti” [About the Combinatorics of Language, Politics and Identity] // *Politicheskaja nauka* [Political Science], no. 4: 36–59. (In Russ.)

Panov P.V. (2019) “Strukturnye faktory institutsionalizatsii etnichnosti v politike „natsional’nykh respublik“ Rossijskoj Federatsii” [Structural Factors for the Institutionalization of Ethnicity in the Politics of the “National Republics” of the Russian Federation] // *Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Politologija* [Bulletin of Perm University. Political Science], vol. 13, no. 4: 5–18. URL: <https://press.psu.ru/index.php/polit/article/view/2897/2196> (accessed on 23.10.2021). (In Russ.)

Rose R., E.Tikhomirov, and W.Mishler. (1997) “Understanding the Multi-party Choice: The 1995 Duma Election” // *Europe-Asia Studies*, vol. 49, no. 5: 799–823.

Saikkonen I.A. (2017) “Electoral Mobilization and Authoritarian Elections: Evidence from Post-Soviet Russia” // *Government and Opposition*, vol. 52, no. 1: 51–74.

Semenov A.V. (2016) “Politicheskie efekty etnicheskikh territorial’nykh avtonomij: obzor issledovanij” [Political Effects of Ethnic Territorial Autonomies: Review of Studies] // *Vestnik Permskogo universiteta. Serija: Politologija* [Bulletin of Perm University. Political Science], no. 1: 127–152. URL: <http://press.psu.ru/index.php/polit/article/view/1725/1294> (accessed on 23.10.2021). (In Russ.)

Shkel S. (2021) “Why Political Machines Fail: Evidence from Bashkortostan” // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 29, no. 1: 31–62.

Shkel S.N. (2019) “Bastiony traditsii: etnicheskij faktor i politicheskie mashiny v regionakh Rossii” [Bastions of Tradition: The Ethnic Factor and

Machine Politics in the Russian Regions] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 1: 49—70. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2019/1/Polis-2019-1-Shkel.pdf> (accessed on 23.10.2021). (In Russ.)

Sulimov K.A. (2016) “Mekhanizmy vzaimodejstvija v etnicheskikh territorial’nykh avtonomijakh: obzor praktik” [Integration Mechanisms in Ethnic Territorial Autonomies: Review of Practices] // *Vlast’* [The Authority], vol. 24, no. 8: 79—85. (In Russ.)

White A. (2015) “How Ethnicity Matters in Russian Elections: Ethnic Minorities and Support for the United Russia Party” // *Eurasian Geography and Economics*, vol. 56, no. 5: 524—546.

White A.C. (2021) “A Chink in the Autocrat’s Armour: Demographic Change and Voter Turnout in Putin’s Russia” // *Ethnopolitics*, April: 1—20.

White A.C. and I.A.Saikkonen. (2017) “More Than a Name? Variation in Electoral Mobilisation of Titular and Non-Titular Ethnic Minorities in Russian National Elections” // *Ethnopolitics*, vol. 16, no. 5: 450—470.

Wilkinson S.I. (2006) *Votes and Violence: Electoral Competition and Ethnic Riots in India*. Cambridge: Cambridge University Press.